

Виктор Шлапак

**ЗАПИСКИ
УЧИТЕЛЯ**

Виктор Шлапак

Записки учителя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118317
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Роман отражает один из сложных этапов развития и автора, и общества, то есть всякого человека, любого общества, любого времени, и помогает читателю пережить его, открыв свое время, которое всегда движется вперед.

Содержание

I. ДНЕВНИК	4
II. ДНЕВНИК В ДНЕВНИКЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Шлапак

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ

роман

І. ДНЕВНИК

1. Отчего болит голова?

Она болит – и это физическая боль. Еще минуту назад все, что я видел, казалось мне нужным, понятным; сейчас же я смотрю на те же самые предметы, и боль снимает с каждой вещи, с каждой мысли их значение, и все кажется уже незначительным, ничтожным, пустым...

Я запрокидываю голову и смотрю на небо, боль как будто утихает, и мне хочется молиться, шептать молитвы небу, одному небу, даже не молитвы, а что-то наподобие... /другого слова нет в мировых языках, чтобы облегчить состояние души человека, когда он ищет спасение и не находит/. Но отчего же болит голова?

Я стою на огороде, окруженном с четырех сторон забором, меня никто не видит, иначе я не смотрел бы так в небо на звезды, я смотрю на них долго, словно стараюсь проникнуть

туда, вглубь, а эта глубина – бесконечна, и ничего за звездами не видно, кроме этой же глубины.

Мне становится страшно от этих мыслей и оттого, что где-то рядом, недалеко, я слышу голоса людей, похожие на эти зажигающиеся вечером и светящиеся в глубине звезды.

Зачем я смотрю на небо? Может быть, я хочу спастись от этой боли, от этого страха, от этих голосов людей, нет, не от голосов, не от людей, оттого, что говорят они и как поступают.

Я с женой и дочкой пришли в гости к ее родителям. Минуту назад прибежала, запыхавшись, ее младшая сестра, она поссорилась не со своей подружкой, а с ее мамой, и эта-то мама должна вот-вот нагрнуть. Что произошло – понять невозможно. Я слышу стук, пришла: надо возвращаться. Соседка прямо-таки вламывается в дверь.

– Где мать? Нет?! Передайте: я морду побью Тоне. Девочке четырнадцать лет, а она обговаривает меня: почему я с мужем развелась. Говорит, что я – тигрица. Я предупреждаю, что еще раз, и я ей морду побью. Девочке четырнадцать лет! Какое ее дело?

Жена молчит, соседка повторяет то же самое еще несколько раз и уходит. Жена слушает молча, почти безмятежно и, закрыв дверь, не улыбаясь, но, видя застывшее недоумение у меня на лице, объясняет:

– Если бы я не знала этой женщины, я бы как-то прореагировала.

Я пытаюсь выяснить суть дела, но выяснять суть дела невозможно. Оказывается, что Тоня всего этого не говорила, соседка все выдумала... Ну и ну! Зачем? Боже, как болит голова. Я выхожу во двор и тут же возвращаюсь, услышав крики жены и плач дочки. Открыв дверь, я почти смеюсь. Я вижу, как дочка, трехлетний ребенок, замахнулась связкой бубликов на жену.

– Правильно, давно пора, – кричит жена, показывая мне рукой на дочку...

И пошло, и поехало. Когда, наконец, все утихло, кое-как примирилось, я выхожу во двор. Темнеет. Звезды зажигаются прямо на глазах... Мириады звезд. Но теперь космос мне не кажется таким беспредельным, сейчас я вижу беспредельность космоса жизни людей, космоса души человека: надо еще хорошенько разобраться в земных космических пространствах человеческой жизни.

Отчего болит голова?

2. Почему одно и то же?

Я уже десять лет преподаю эстетику в ПТУ, десять лет, даже чуть больше.

Я не чувствую их, я говорю: десять лет и не чувствую, а ведь десять лет есть десять лет. Вот это есть сейчас: секунда, две, а впрочем, сейчас – это и десять лет, мелькнувших, как следующая секунда, и тут же исчезнувшая...

Завтра проверка. Я волнуюсь перед проверкой. Почему? Ведь я знаю! А вдруг не получится? Я помню, как когда-то я давал открытый урок не ученикам, а учителям. Я хотел их распечь и стоял у доски и мямлил какие-то бессвязные слова, едва связывая их. Потом я признал этот урок слабым, худшим, а в себе я понял: я поплатился за попытку унижить людей. Природа человеческая не прощает человеку плохие мысли о другом человеке, даже о себе. Я казнил себя, а они, те, кого я хотел унижить и поучать, хвалили меня.

Мне было стыдно и тогда, и сейчас.

Проверяющая зашла в класс с последним учеником. Я почувствовал какой-то внутренний холод, но я помнил, я помнил все.

Урок получился.

– Спасибо за урок, – сказала она, пожимая мне руку, и, не проверив документацию, ушла.

В пятницу предстоял педсовет по итогам проверки.

Нас собрали в актовом зале. Я сижу и смотрю на людей сквозь призму десяти лет: ничего не изменилось: мастера и преподаватели стараются, как ученики, забиться в последние ряды; все лица испуганы; в президиуме те же люди.

Я чувствую себя лишним, Я думаю о том, что меня будут хвалить, хочется забиться в угол, и я в душе уже не рад этому хорошему уроку.

Правда, в президиуме, кроме знакомых, двое новеньких, а третий, третьего я знаю очень хорошо. Это Журавлевин. Я

его боюсь и презираю.

У него мягкое, кругленькое, белое лицо без морщин, не считая у глаз; хотя он старик, но стариком его нельзя назвать, достаточно было посмотреть, как он несет свою голову, как он ходит по коридорам училища и как он смотрит на людей, бегло, свысока, едва замечая, при сравнительно невысоком росте. И ходит он как-то неслышно, незаметно, словно подкрадывается.

Моей проверяющей нет: и хорошо, и плохо.

Умно, тактично выступают новенькие, оказывается, они из руководящего состава городского управления, я радуюсь, а вот и Журавлевин, он работает давным-давно...

Чрезмерный пафос высоко поднятой головы, вкрадчивая манера речи и мышления.

Я с содроганием ждал, когда он заговорит обо мне, а заговорить он должен был обязательно, и он заговорил:

– В прошлом у товарища имелся ряд серьезных нарушений, а сейчас исправился, претензий нет.

Некоторые заулыбались, кое-кто посмотрел на меня с одобрением, кое-кто с удивлением.

«Неужели и в них жили эти «серьезные нарушения». Какой это «ряд серьезных нарушений», я не знал, не знал десять лет, не знаю и сейчас, но я точно знал, что я был и остался прежним... Я не изменился, не изменяются и они, десять лет считавшие за мной «ряд серьезных нарушений».

«В целом здоровый и работоспособный коллектив», – за-

кончил он.

Да, он, они, подобные, такие люди не изменяются, люди, которые могут говорить одно перед людьми, а на деле делать совсем другое...

Головная боль оживает, возвращается. Почему?

3. Зачем сдавать экзамены.

Экзамены – это не уроки, здесь я отдыхаю, единственное, что волнует, – это заполнение документации, вечно что-то напутаешь, что-то не в ту графу занесешь, где-то что-то не там поставишь, распишешься...

Попробуй вмешаться и сказать, что многое лишнее... – тут же обвинят тебя во всех грехах. Единственное, что остается, это заполнить все бумаги аккуратно и в срок.

Но все-таки экзамены – это и пицца для размышлений, это клубок, распутывая который можно понять все-все: время, людей и вообще жизнь и даже больше, как говорят.

С утра я вижу празднично одетых учащихся с цветами в руках. Оказывается, рядом выросла теплица, процветающая на экзаменах, так же, как на процентомании процветает оптимизм без педагогики.

Когда-то, в прожитых годах, я распутал этот клубок вместе с другими преподавателями, теперь все знают свои возможности. Я веселюсь вместе с учащимися..

Никаких волнений – одна уверенность, один оптимизм:

все равно тройку поставят, куда вы денетесь? И какая разница, кто написал «Грозу», и кто представитель «Темного царства», зачем нам, слесарям, нужна русская литература?

Экзамены сданы, оценки поставлены: двадцать четыре тройки, шесть четверок, пятерок нет и в помине.

Я заполняю ведомость и заношу к директору на подпись. Он смотрит сразу на итоги. Работает цветной телевизор, с ним в кабинете бывшая ученица, ныне царствующая председатель угкома.

– Сколько процентов качества знаний?

– Семнадцать! – говорю я и показываю пальцем цифру, на которую она смотрит.

– Маловато. Управление требует где-то в регионе тридцати, сорока.

«Регион» – модное слово – свидетельствует о наличии эрудиции, подкованности, деловитости... вставляется в каждую строку.

Я улыбаюсь.

– Это еще хорошо для них, за год было четыре четверки, сейчас шесть.

– Маловато, – отвечает он, улыбаясь. – Вы плохо понимаете политику...

Я смотрю на него и вижу совсем другое: как он идет мимо преподавателей и мастеров, сидящих в обеденной комнатке, идет в отдельный кабинет к директору столовой; с отдельным прибором обедать... А за ним...

Откуда это, почему? Что это: настоящее или прошлое? И зачем сдавать экзамены?

4. Все тихо.

Я забыл, когда это было, год или два назад, может быть, три, но это было.

Я помню эту девушку, сидевшую на первой парте, ее огромные карие глаза под черными дугами бровей. Она много молчала, но тогда я еще не знал, что она много думала.

В училище установили дежурство преподавателей в общезжитии. Дежурный оставался, отмечался и уходил.

Утром, когда я пришел на работу, узнал, что эта девушка погибла, бросившись с девятого этажа.

А день шел как обычно, ученики кричали, шумели, я был поражен, удивлен, словно я чего-то ждал, и мне казалось, что все должно идти не так, как шло, как идет. Я мысленно представляю ее, смотрю на нее в своем воображении, заглядываю в ее глаза и спрашиваю... Зачем? Почему? Не верится, но это было!

«Все виноваты», – заявил директор. Что он имел в виду?

– Дежурный преподаватель ушел в девять, – а должен был уйти в десять.

– Это случилось в одиннадцать, – отвечали ему.

От этой мысли делается неприятно, но эти мысли тоже есть, может быть, потому, что не причину будут искать, а ви-

новных. Неужели Катерина? Протест? Но против чего? Пошли комиссии.

Попугали и ушли, все тихо, ничего не изменилось. Боль не проходит!

5. Об эпитафиях вообще и в частности.

«А тем, кто ненавидит войну, надо бы прежде всего ненавидеть бесчисленные уродства человеческого общества».

/Э.Золя/.

«...Чтобы стать... /человеком/, надо уметь разобраться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс /человек/ свои эгоистические поползновения и свое настоящее нутро» /Ленин/.

Вот правда, истина. Но она печальна! Почему? Так должно быть, но не всегда так делается, как должно быть.

Вот эпитафы. К чему? К правде, о правде? Может быть, это эпитафы к сочинениям учеников, а может быть, это эпитафы к моей десятилетней деятельности учителем, а может быть, они относятся ко всей жизни человека на земле?

Человек тот, кто живет как человек; а те, кто живет иначе, это уже не люди, даже если они внешне похожи на людей. Как же быть? Неужели эгоизм неизбежен? Эгоизм неизбежен, как и неизбежна борьба с ним.

Как жить: без него или с ним? Человек мыслит так, как

живет, или живет так, как мыслит? Если он мыслит так, как живет, то кто же тогда становится человеком? И как им стать, как жить так, как мыслить?

Эпиграфы, очевидно, надо не только писать, употреблять, но и выполнять.

6. Секрет фирмы, или Как и чему учат учителей.

В училищах экзамены начинаются в марте-апреле. Я принимал экзамены впервые. Сочинение по русской литературе. Когда я собрал сочинения и начал проверять, то растерялся: много ошибок.

– Что же делать? Не меньше трех двоек, – сказал я завучу.

– Шутишь? Не знаешь? – спросил он, улыбаясь и оглядываясь.

– Нет!

– Исправь!

– Как?

– Сам.

– Где?

– В сочинении. Как маленький, ей богу. Секрет фирмы, – он смеялся. Он бывший директор, к нам перешел по переводу.

Когда я думал о нем, я всегда вспоминал урок, который я посетил по собственной инициативе, ради интереса. Ученики поговаривали, что он ест на уроках, спит...

Он очень толст, как я понял сейчас, физические недостатки постепенно заполняют разум, и разум становится похож на свое тело.

Я никогда не видел подобного урока.

Он не говорил, не объяснял, а кричал, при этом не сам, а по учебнику, история в его исполнении была только учебником, а не жизнью; как бы в опровержение этому ученики жили даже на его уроках: несмотря на боязнь, каждый занимался своим делом, впрочем, как и он сам. Он спрашивал, они, дрожа всем телом, вставали, молча, он говорил, что надо было им сказать, они повторяли, и он ставил четверки, пятёрки, они садились, чтобы забыть, чтобы заниматься каждому своим делом...

Ведь история, которую он преподавал, не имела и не хотела иметь с «тупицами, невежами» ни малейшего дела.

Я слушаю, и вдруг мне становится страшно, я почувствовал себя учеником, мне показалось, что он меня сейчас спросит, а я ничего не понял и ничего не могу ответить и получу лишь «тупицу», в лучшем случае – «невежу», и ничего не смогу вразумительно произнести, как когда-то, когда я был сам учеником и слушал подобные уроки.

Оживал он только тогда, когда получал деньги.

Я однажды видел, как пробуждалось его полное, неподвижное тело, как быстро задвигались его пухлые пальцы, открылись шире его постоянно сонные глаза, когда он сгребал со стола сложенные кучкой деньги.

А теперь он мне раскрывает секрет фирмы, учит...

7. Май.

Какое сегодня число? Двадцать третье, но я вспоминаю о том, что было десять лет назад, о будущем думать не стоит, а может быть, я думаю о прошлом, чтобы... узнать о будущем. Да, человек обращается к прошлому, чтобы знать, как двигаться в будущее, но кто скажет, как жить сейчас?

Голова болит, иногда проходит совсем, но то чувство обесценивания всего: и книг, и людей, и природы – остается. Я помню о нем и недоумеваю: я вижу благодаря этому состоянию, может быть, так, как я мог видеть без него и эти два дня, и те десять лет. Неужели я десять лет жил в неведении и только сейчас открыл глаза на все-все.

Я вспоминаю прочитанное: и Островского, и Достоевского, и Толстого, и Золя – так было тогда, а ведь так есть и сейчас... я вспоминаю слова эпитафии, и они вдруг взмечтаются в моем сознании, как флаг над несущимся куда-то человечеством, нет, над несущимся вперед человечеством...

8. Каким я стал?

Каким я был раньше? Почему я такой? Значит, я должен был быть другим? Если другим, то каким? Известно ли мне?

Да или нет? Почти. Тогда почему я не стал таким? А может ли человек сам стать таким человеком? Или он становится таким, каким есть общество? А если он не хочет стать таким, как общество? Что тогда? Может ли быть так? Мне не в чем упрекнуть себя в отношении дела. Я считаю, что я делал все честно, но может быть, я оправдываю себя в себе и считаю бесчестное честным, ведь от этого бесчестное станет честным только во мне, а на самом деле бесчестное не может стать честным.

Я никому не поставил тройки просто так, я добивался; тройку можно и нужно добиться, а четверка – это уже работа самого ученика.

Я ни разу не поставил четверки вместо тройки, а если и поставил, то один раз... из сострадания к моим ученикам, великим труженикам жизни.

Это было один-единственный раз. Группа девочек не успевала сдать зачет, их сняли на практику.

Я поговорил с мастером.

– Ставь, что хочешь.

Через день я шел по строящемуся поселку, находящемуся недалеко от училища. Я любил ходить утром по этим тихим сонным улицам, где пахло еще деревней, но где утром люди просыпались не от криков петухов, а от воркотания бульдозеров.

Вдруг кто-то позвал меня, притом звали откуда-то сверху. Я поднял голову и увидел в окнах дома знакомые девичьи

головки. Они улыбались вовсю, махали руками, кричали.

Вокруг стояла невообразимая грязь, они сами были грязны, но я уже видел в воображении этот дом через полгода, так было и в действительности: я видел чистые аллеи, детские коляски...

Они любили свой труд, пусть не все, возможно, у них не было философского понимания труда, себя, но они творили это все своим трудом, для других...

Я поставил почти всем в этой группе четверки и пятерки.

Потом я понял: они творили добро почти инстинктивно, но ведь добро – это еще и знание о добре.

Я оправдывал себя и тут же обвинял, нет, не я, а жизнь...

Как же быть? Кто ответит мне, другим?...

9. Отчего же...

Я заметил, когда я вхожу в класс, вижу перед собой лица учеников и начинаю работать, боль проходит.

Но когда я возвращаюсь домой, случайно оброненная фраза, случайно увиденное знакомое лицо, напоминающее мне что-то в прошлом, я чувствую, как боль возвращается. Может быть, во мне болит прошлое, мое прошлое? Только ли мое? Или человеческое? А если забыть? Забыть прошлое? Невозможно! Оно живет и ворочается во мне какой-то огромной, тяжелой, черной массой, давит, не дает дышать, жить. Забыть прошлое невозможно, если прошлое за-

бывают, оно повторяется.

Вспомнить? Я чувствую в этом что-то светлое, чистое, похожее на первое теплое свежее дуновение весеннего ветерка, обновляющее все живое.

II. ДНЕВНИК В ДНЕВНИКЕ

1. Начало.

Я помню солнечный радостный день. Я закончил университет и устраивался преподавателем эстетики в профтехучилище.

В университете я подружился с Мишей Павленко, он писал стихи, часто читал их мне: мы постепенно сблизились. Он так и не закончил университет, застрял на четвертом курсе: подвел хвост по немецкому языку, третий год он борется с ним, но пока безуспешно. От него я и узнал, что из профтехучилища, где работал Миша, увольняется преподаватель эстетики, довольно оригинальный человек, и я могу попытаться... Я пробовал устроиться еще на пятом курсе, но преподаватель передумал и вот в этом году уходит.

Училище находилось у черта на куличках: надо было ехать метро, потом пересаживаться в трамвай и в нем трястись в самый конец города, но мне нравится эта поездка: интересно видеть открывающиеся в окно виды, читать, и еще: рядом с училищем – лес. О нем я узнал раньше. Я иногда приезжал к Мише в гости, просто так, и мы ходили в лес. В лесу, в самой глубине, было озеро. Мы забирались в лес и говорили,

говорили. Он рассказывал о работе мастера с группой, об учениках, о возможных психологических опытах, и вообще – об училище.

Чтобы быстрее попасть в училище, надо было выйти одной остановкой раньше, но можно выйти и на конечной и, сделав крюк, пройтись рядом с лесом, я так и делал потом, но сейчас я испытывал совсем другие чувства, особенные: все как-то изменилось в мире, это была уже не прогулка, это были уже не рассказы о людях, а сами люди и сам я, весь в тревожном ожидании своей участи, судьбы.

Повезет или не повезет?

– Вот это он, – представил меня Миша замдиректору, когда мы поднялись на второй этаж небольшого невзрачного с виду здания в ряду таких же собратьев по улице.

– Документы есть? – спросил Иван Иванович, так звали замдиректора, высокого худощавого мужчину средних лет с широким лицом, немного суженными глазами и какой-то маленькой, хитроватой улыбкой под маленькими, аккуратно подстриженными усиками.

– Есть!

– Хорошо, хорошо... что он мужчина, – говорил он, в основном обращаясь к Мише.

– Я его знаю довольно-таки основательно, не подведет, крепкий парень.

– Самое главное, чтобы они на уроке сидели тихо. Пекарский не мог держать дисциплину.

– Но он был знающий, интересный человек, милейший человек. Вы помните Виталия Терентьевича, если бы Пекарскому его характер.

– Постараюсь, – сказал я, помня наставления Миши: «Соглашайся на все, а там видно будет».

Зам дал анкету.

Миша отвел меня в класс, небольшую темноватую комнату со столом, черной доской и такими же партами. Эта убогая обстановка как-то угнетающе подействовала на меня, но мысль, что меня берут, наполнила меня радостными чувствами, которые скрашивали эту убогую обстановку, на глазах расцветившая ее в радужные тона, существующие только в человеке.

Я радовался несмотря ни на что. Не может быть?

Если бы меня спросили, хотел ли я стать учителем, я не знал бы, что ответить.

Просто я радовался тому, что я устраиваюсь на работу преподавателем эстетики и смогу заниматься тем, что любил. Может быть, я мечтал об аспирантуре: и да и нет.

– Миша, не уходи.

– Чудак-человек, ты не дрейфь, все хорошо.

– Спасибо, Мишенька, но все равно не уходи.

Меня ожидала новая жизнь, неизвестная. Я всего боялся, я заметил, что в любых обстоятельствах я обращался к Мише, создавшем в такой же степени эту новую для меня жизнь, как и я.

Без Миши ни на шаг. Да, это было так, он, подобно Вергилию, вел меня по кругам жизни.

Подобный период «Без Миши ни на шаг» проходит каждый человек, открывающий мир сам посредством другого человека, чтобы когда-то кому-то открыть мир собой. Я заполнил и занес анкету Иван Ивановичу. Он внимательно просмотрел.

– Это еще не все. Теперь надо съездить в управление: они утверждают.

Я как-то мгновенно сник. Он, кажется, заметил это и улыбнулся.

– Первого сентября на работу.

Я поплелся на остановку трамвая. Делать было нечего. Что-то будет? Фамилию я не запомнил, только должность: зам. начальника по культуре.

Опять неудача, думал я, трясясь в трамвае. Опять..., я вспоминаю и этот год, и прошлый. Мне не везло. Очевидно, я не очень хотел стать учителем, но становился им по воле случая или по призванию? Или я радовался? Нет, я не знаю.

По специальности я филолог, преподаватель русской литературы и языка.

Да, мне не везло, в редакции, в издательстве, куда я обращался, мест не было, а в школу я решил не идти, хотя обращался и туда.

Почему я решил не идти?

Я с ужасом и с содроганием всеми клеточками тела и моз-

га вспоминаю картину моего первого урока, а вспоминаю я каждый раз, когда слышу слово «школа».

Я вспоминаю школу, где я проходил педагогическую практику.

Нас было пятеро студентов и один руководитель, женщина, очень добросовестная, с очень большими любопытными глазами.

Я сидел на последней парте и с ужасом смотрел на своих товарищей, которые давали урок, и с еще большим ужасом думал, что это предстоит и мне – выйти туда и говорить о том, о чем я обязательно забуду.

Я так разволновался, что у меня пошла из носа кровь. Вечером я пошел к тете, она успокаивала меня как могла, но в основном, вкусным ужином. А завтра урок. Я готовился, читал и перечитывал.

Помню, когда я остался один на один с глазами... Они молчали, молчали не потому, что хотели молчать и что-нибудь узнать от меня, они молчали потому, что на уроке были посторонние люди, как я понял позднее...

Я встал и пошел закрыть дверь, я хотел показать, что я владею собой и классом. Мой руководитель похвалила именно за это, она хвалила, а я не верил или не хотел.

Но не этот урок я вспоминаю, не этот урок был для меня первым уроком, даже не второй...

О том уроке никто не знал, кроме меня и учеников.

Не знаю, помнят они его или нет, но именно он запом-

нился на всю жизнь и стал для меня уроком. Но он был еще впереди, а пока я давал второй урок, уже сам. Поэзия Маяковского. Поэзию я любил и знал. И курсовую и дипломную работу я написал о поэзии. Я рассказывал, разбирал и даже рисовал тоническую систему стихосложения, вдруг одна девушка встала:

– Вы извините, но это нам не нужно. Вот разве ей, она у нас поэтесса. – Да, действительно, я выделил ее глаза из всех, удивленные, внимательные.

Это был удар, я от неожиданности сел.

– Вы не переживайте, у нас все так думают.

После урока мы стояли в коридоре, обмениваясь впечатлениями. К нам подошла, нет, скорее подбежала завуч.

– В пятом классе не явился преподаватель русского языка, не могли бы нас выручить. Уже звонок.

Она обращалась к каждому, я согласился. Да, этот урок и стал первым уроком для меня.

Я вошел в класс. Стало тихо, я подошел к столу, сел. Вдруг ко мне подошел ученик, что-то сказал. «Почему он идет? – думал я, не слыша его. – И почему я не слышу его?»

– Что такое? – переспросил я. И среди постепенно поднимавшегося и растущего шума я не услышал себя, за ним стали подходить и другие ученики.

На первой парте, напротив меня, сидевший ученик вдруг стал как-то подергиваться, словно кто-то дергал его, как куклу, за веревочки, кто-то уже ходил по партам, по подокон-

нику.

Я не знал, что делать. Я не мог кричать, они были маленькими, смешными. Я чувствую, как краска прилила к лицу, мне одновременно хотелось и плакать, и смеяться. Я смотрю в упор на дергающегося напротив ученика и ничего не понимаю. Что происходит в классе и со мной?

Сам он дергается с серьезным лицом, смотрит мне в глаза, видит меня, а я смотрю на него и молчу.

Мне становится жарко и как-то не по себе.

Я ничего не могу объяснить, но я вижу, что что-то необъяснимое происходит у меня на глазах с нормальными в общем-то людьми.

Потом их не интересует ни поэзия, ни... Почему?

Это был первый вопрос школе или жизни человека на земле, но в школу я решил не идти.

Я ехал уже в метро, я всегда стою у дверей, смотрю в окно. Справа я увидел реку, она вдруг вынырнула из этих серых, будничных, однообразно мелькавших в окне пейзажей, воспоминаний, и я увидел редкий лес и чистый желтый пустынный, залитый солнцем плес реки и рядом чистую спокойную гладь воды, отражающую лес, одинокий берег и мою, как мне показалось, жизнь.

Да, я был одинок, мне вдруг захотелось пройтись с кем-то по этому одинокому прекрасному берегу реки и заглянуть в воду, потрогать ее, и мне уже казалось, что это все так и есть, сейчас, но я понял, что вижу пока только свою мечту.

Я был одинок, остался один, года три назад я развелся, и та жизнь уже улеглась, успокоилась и забылась, как будто там жил не я, а кто-то другой, а я был не тот человек, с кем так случилось, а другой, новый, у кого все впереди.

Эти воспоминания о моем одиночестве промелькнули так же быстро, как и этот одинокий желтый залитый солнцем берег с редким лесом, с гладкой поверхностью чистом воды, отражающий все до мельчайших подробностей...

Я заглянул в дверь кабинета, за столом сидел какой-то полноватый мужчина в очках на розовом лице, в белом костюме, он разговаривал с посетителем. Я ждал долго, но дождался.

– Меня зачислили в училище преподавателем эстетики.

– Не торопитесь. Это еще неизвестно.

2. Продолжение.

Утром я поехал к Мише. Он выслушал меня, но не разволновался. Я, как всегда, удивился его спокойствию, его слова восхищали меня своей сверхреальностью.

– Не волнуйся зря, еще ничего неизвестно.

– Но...

– Ты что, не знаешь: у него, наверно, свой человек есть.

Пойдем в училище.

– Не могу, понимаешь, не могу.

– Странный ты человек, это же тебя касается. А впрочем,

как хочешь. Я узнаю. Приезжай через недельку.

В комнату постучали.

– Миша, ты дома? Дверь приоткрылась, и в комнату вошел не по годам располневший мужчина с быстрыми бегающими глазками.

– Заходи, Вася. Познакомься, это наш будущий преподаватель эстетики.

– Очень приятно.

– А это старший мастер, прошу любить и жаловать.

И он вкратце рассказал обо мне и просил посодействовать.

– Все будет о'кей, – сказал он, широко улыбнулся, обнажив ряд мелких белых зубов, глазки его бегали по комнате. – Ты не видел моих, где-то испарились. Не могу найти.

– Кажется, пошли в лес.

– Извини. До встречи, надеюсь мы скоро увидимся.

Он исчез.

– Это тот, у которого симпатичная жена?

– И весьма. Назначили старшим мастером – без году неделю работает.

– А тебя?

– Ну ты даешь. Мастеров много, а старший мастер – один.

Ты не знаешь, как это делается?

– Нет.

– Сумел. С Иваном Ивановичем, с директором. Подхалим. Я так не могу.

Я приехал к нему через три дня, его не оказалось дома. Я ходил в лес, лежал в траве, даже уснул, и каждый раз, когда мне уже надоело лежать, я заходил к нему, его по-прежнему не было; я смотрел на аллею, ведущую к училищу, но пойти не смог, просто не мог и все.

Миша пришел вечером.

– Узнал?

– Узнал! Как я и говорил: на следующий день приехала женщина, его протеже.

– Значит, все.

– Обожди, не перебивай, умей выслушать.

– Извини.

– У нее не все в порядке с документами. Иван Иванович ее не взял.

– Значит...

– Да, с тебя причитается.

Лида, его жена, была дома, она всегда говорила одно и то же, когда видела меня.

– Вот и ты бы мог уже закончить университет, а ты еще на четвертом курсе. Который год? Боюсь, что так и не закончишь. Ты бы хоть постыдил его.

– Лида, оставь. Дай нам лучше чего-нибудь перекусить. Я устал и голоден, как волк.

– Ты пробовал сдавать? – начинал я.

– Пробовал. Отложил на следующий год – работы много. Да и просто физически не могу. Или соберемся иногда с ма-

стерами: неудобно пьяным являться на занятия.

– Жалко будет, если так пропадет. Ты же не Марина. Она и то закончила, хоть на тройки, а диплом есть.

Мише неприятен этот разговор, неприятен и Лиде. Мое присутствие вносит, я чувствую, какое-то разногласие у них, так было и будет еще не один раз.

Переходим к разговору о квартирах.

– Когда эти бараки будут сносить?

– Скоро. Вот еще одна причина, почему я не могу заниматься. Я забыл о себе, быстрее бы дали ему. А у меня, кажется, все позади.

3. Прощание с заводом.

Но как ни странно, я не рад этому прощанию. Во мне еще живет завод, завод стал мною. Я тайно надеялся, что мне не повезет. Странно, но это факт, сколько в жизни таких странностей, но жизнь идет, существует, а, может быть, подобные странности и есть жизнь, жизнь человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.